

О КУЛЬТОВЫХ ЭПИКЛЕЗАХ ДИАДОХОВ

Культовые эпиклезы эллинистических правителей, как важнейший атрибут царского культа, всегда привлекали к себе повышенное внимание исследователей. Однако детальному рассмотрению подвергались преимущественно эпиклезы, закрепившиеся за монархами III—II вв. до н. э. в качестве официальных когноменов в династическом культе. Культовые же эпитеты представителей первого поколения преемников Александра, так называемых диадохов, вызывают у ученых значительно меньший интерес, ибо они, по всеобщему убеждению, носили неофициальный «локальный» характер. Между тем, некоторые из этих эпиклез закрепились за диадохами - основателями эллинистических держав на века, войдя как в официальный культ, так и в античную нарративную традицию. Поэтому культовые эпитеты непосредственных преемников Александра также заслуживают глубокого и всестороннего изучения.

Первыми диадохами, получившими при жизни культовые титулы, являются Антигон Одноглазый и его сын Деметрий Полиоркет. В 307 г. до н. э. афиняне, в благодарность за освобождение Деметрием их города от власти Кассандра и восстановление «отеческой демократии», учредили культ этих двух правителей под общим именем «Спасители» (Diod. XX, 46, 2-5; Plut Demetr., 8-10). Некоторые исследователи, следуя сообщению Плутарха (Plut. Demetr., 10), полагают, что афиняне в действительности провозгласили Антигонидов «богами-Сотерами». Однако эпиграфические источники опровергают это предположение: в афинских документах 306-230 гг. до н. э. Антигон и Деметрий упоминаются только как «Сотеры», без приставки «боги».

Эпиклеза «Сотер», как убедительно показал в свое время А. Д. Нок, сама по себе не имела сакрального значения - даже к богам ее применяли только в том случае, когда предполагалось, что они оказывают какую-то конкретную помощь людям, «спасают» их¹. Поэтому в научной литературе утвердилось мнение, что Антигонидов чтили в Афинах исключительно как спасителей полиса и их культовые эпиклезы теряли свой смысл за пределами Аттики. Между тем, сами афиняне не уставали подчеркивать в официальных документах, что Антигон и Деметрий являются спасителями и освободителями не только их отечества, но и всей Эллады. Помимо того, эпитет «Сотер», вслед за афинянами, Антигонидам даровали и другие греческие города: Спасителем Антигона именовали на Иосе и, вероятно, на Делосе. Все это свидетельствует о том, что эпиклеза «Сотер» в применении к Антигону и Деметрию имела гораздо более широкий смысл, чем это обычно полагают. Их чествовали в столице Аттики не просто как освободителей одного полиса, а как спасителей

всей Эллады от «деспотии» других диадохов. Это выглядело вполне закономерно: освобождение Афин венчало собой многолетнюю кампанию «по спасению эллинов», в ходе которой десятки греческих полисов были «освобождены» по приказу Антигона.

Для самих Антигонидов официальное получение подобных эпиклез в преддверии планируемой официальной коронации (она состоялась в 306 г. до н. э.) должно было иметь огромное значение. Судя по всему, еще с 315 г. до н. э. Антигон Одноглазый претендовал на трон всей державы Александра, и тот факт, что он и его сын были признаны спасителями эллинов в центре греческой свободы, наилучшим образом способствовал легитимации его властных амбиций. В таком качестве Антигониды уподоблялись «пастырю народов» Агамемнону и другим «истинным басилевсам» героических времен, которые всегда оставались для эллинов и македонян нормативным идеалом единоличного правителя.

Вслед за Антигонидами культовой эпиклезы «Сотер» удостоился Птолемей I: в 304 г. до н. э. его почтили в таком качестве жители Родоса в благодарность за помощь, оказанную им во время осады города Деметрием Полиоркетом (Paus. I, 8,6; Diod. XX, 100,2-4). Большинство исследователей полагает, что подобное обоснование почестей свидетельствует о чисто полисном характере эпиклезы Птолемея. Однако помощь, оказанная египетским правителем родосцам, в действительности не являлась настолько существенной, чтобы ее можно было считать причиной спасения полиса: он лишь поставлял продовольствие и небольшие контингента наемников осажденным. Поэтому некоторые исследователи сомневаются в том, что Птолемея провозгласили Спасителем только лишь в благодарность за его поддержку, или вообще отрицают, что он получил свой когномен на Родосе. Ситуация прояснится, если принять во внимание тот факт, что сразу же по окончании осады Родоса Птолемей официально принял царский титул, положив конец притязаниям Антигонидов на единовластие в державе Александра. Недовольные господством Антигонидов родосцы, несомненно, были заинтересованы в скорейшей официальной коронации их союзника Птолемея. Судя по всему, именно поэтому они предпочли значительно завысить степень почета, полагавшегося Лагиду, приравняв его тем самым к единственным в то время царям - Антигону и Деметрию. Несомненно, не без участия самого Птолемея граждане островного полиса постарались представить его в учрежденном культе в образе «нового Спасителя Эллады», теперь уже от тирании самих Антигонидов. Подтверждением тому может служить сохранившийся на папирусе фрагмент Родосского исторического сочинения, в котором Птолемей представлен защитником эллинов от деспотии Антигона, а его коронация изображается как необходимый ответ на узурпацию царского трона Антигонидами. Таким об-

разом, провозглашение Птолемея Сотером на Родосе призвано было обеспечить легитимность коронации египетского правителя, а не просто отметить его заслуги перед полисом. Прямая связь между культовой эпиклезой и принятием царского титула, вероятно, и способствовала закреплению за Птолемеем титула «Сотер» на всю последующую жизнь. Примечательно, что именно под таким титулом его чествовали в 290 г. до н. э. полисы - члены Островной Лиги, ранее находившейся под контролем Деметерия, а также частные лица на Кипре, захват которого в 306 г. до н. э. послужил официальным предлогом для принятия Антигонидами царских титулов. Эта же эпиклеза закрепилась за Лагидом после смерти в официальном династическом культе Птолемеев.

На закате эпохи диadoхов культовый эпитет «Сотер» от афинских колонистов с острова Лемнос получил еще один непосредственный преемник Александра - Селевк I. По словам Филарха, в благодарность за возвращение острова под власть Афин лемносцы воздали Селевку божеские почести и стали призывать во время возлияний вместо Зевса «Селевка Сотера» (Phylarch. ap. Athen. VI, 254). Это сообщение наводит некоторых исследователей на мысль о том, что жители Лемноса пытались в своем культе отождествить Селевка и Зевса Сотера, вследствие чего и присвоили царю подобную эпиклезу. Однако аналогия между Селевком и Зевсом не прослеживается где-либо, кроме акта возлияния. Поэтому более вероятно, что лемносцы изначально провозгласили Селевка Спасителем, а уже потом провели параллель между Селевком и Зевсом на основании сходства их культовых эпитетов. Дарование же Селевку эпиклезы «Сотер» выглядит вполне естественным для афинских колонистов: они следовали примеру метрополии, ранее провозгласившей Спасителями Антигонидов, которые в свое время также вернули Лемнос афинянам. Более важным, однако, для нас является тот факт, что Селевк не принял эту эпиклезу в качестве официального когномена и в его случае она действительно осталась чисто «локальной». В официальном культе Селевкидов, равно как и в полисных культах Селевка, основателя династии практически всегда чествовали с эпитетом «Никатор». Античные авторы не дают четкого объяснения этому факту, ограничиваясь лишь ссылками на исключительную воинскую доблесть Селевка (App. Syr., 56; Amm. Marc. XXIII, 6,3). Им следуют и современные исследователи, полагая обычно, что Селевк получил свой когномен после победы над Антигоном в битве при Ипсе. Между тем, в источниках эпиклеза «Никатор» не упоминается ранее 281 г. до н. э. - последнего года жизни Селевка. Это наводит на мысль, что именно тогда Селевк и был провозглашен Победителем, и поводом тому послужила его наиболее триумфальная победа в битве при Курупедионе. Уничтожив в этой битве своего последнего соперника Лисимаха, Селевк оказался фактическим победителем в соколатетней борьбе диadoхов и мог теперь по праву претендовать на все на-

следие Александра. По словам Юстина, он ликовал по поводу того, что стал «победителем победителей» и видел в этом «не дело рук человеческих, а дар богов» (Just. XVII, 2, 2). Эпиклеза «Никатор», таким образом, не просто характеризовала воинские таланты Селевка, а имела глобальное значение, ибо провозглашала ее носителя победителем всех диадохов, фактически «вторым Александром». Очевидно, именно поэтому ей было отдано предпочтение как в полисных культах Селевка, так и в его официальном посмертном культе, который был учрежден Антиохом I в Селевкии Пиерийской (App. Syr., 63).

Таким образом, культовые эпиклезы диадохов отнюдь не были чисто локальными, городскими эпитетами, как это обычно полагают. Все они имели глобальное политическое значение и служили обоснованию фундаментальных основ власти и властных притязаний их носителей. Именно поэтому эти эпиклезы закрепились за основателями эллинистических династий на долгие годы и впоследствии были заимствованы другими греко-македонскими правителями.

¹ Nock A. D. *Essays on Religion and the Ancient World*. Cambridge, 1972. V. 2. P. 720-725.